

НЕ ОХЛѢВЪ СДИНОМЪ
ДАДЕТЪ ЖИВЪ
ЧЕЛОВѢКЪ

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
МАТЬ ТОМУ
БОГЪ НЕ ОТЕЦЪ

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО

ИЗДАНИЕ

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО
СВ. СТЕФАНА
ЕПИСКОПА ПЕРМСКОГО

СВ. СТЕФАНА
ЕПИСКОПА ПЕРМСКОГО

СВ. СТЕФАНА
ЕПИСКОПА ПЕРМСКОГО

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

№ 25 1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

Цѣна отд. № 5 н.

СОДЕРЖАНІЕ. На пути въ объятія Отчи. Изъ дневника инокѣ. — Танцы и пляски. Н. С—ва. — Сила Божія и немощь человѣческая. Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. Сергѣя Нилуса. — Пути Божьи неисповѣдимы. (Разговоръ священника со старушкой прихожанкой). Священника. А. Т—ва. Не могу умолчать... Ю. Аглицева.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

На пути въ объятія Отчи.

(Изъ дневника инока) ¹⁾.

„Господи! даждь ми слезы умиленія“.

„Жертва Богу духъ сокрушенъ“.

„**Г**дѣ цѣлью строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью, я прежде всего принялся за чтеніе Свящ. Писанія Ветхаго и Новаго Заветѣа, извлекая изъ него назиданія для себя... Потомъ я сталъ вести дневникъ, въ которомъ записывалъ свою борьбу съ помыслами и страстями, свои покаянныя чувства, свои тайныя молитвы къ Господу и всегдашнюю помощь и защищеніе отъ Него, и свои благодатныя чувства ко Господу за избавленіе отъ искушеній, скорбей и напастей“. (Слова о. І. Сергіева-Кронштадскаго).

1891-й годъ. 19 Января. По временамъ испытываешь, и самъ не знаешь почему, какое-то тяжелое состояніе. Повидимому все благополучно и хорошо, а на душѣ пусто. Среди такого мучительнаго состоянія хотѣлъ бы оставить всю земную жизнь съ ея интересами и предаться въ руки Вышняго, но увы! Душа не имѣетъ крыльевъ, которыми возлетѣла бы къ Тому, предъ Кѣмъ нѣтъ ни печали, ни воздыханія. Мыслью хотя и паль-бы предъ Нимъ въ умиленномъ покаяніи, да холодное сердце не откликается на зовъ мысли. Да! истинно слово Господа: „яко безъ Мене не можете творити ничесо же“. Душа безъ благодати, какъ почва безъ росы, не дастъ прозябнуть сѣмени покаянія. А какъ вспомнишь, сколько разъ такъ пробуждался внутренній человѣкъ и всегда опять засыпалъ, то становится страшно; сознавая свою немощь, невольно воскликнешь съ Апостоломъ: „окаянный я человекъ!“

20 Января. Но иногда посѣщаютъ и такія благодатныя минуты, когда безъ всякой, повидимому, причины радуешься одному тому, что ты живешь. Тогда испытываешь чувство ребенка на лонѣ улыбающейся матери, а всѣ люди представляются братьями и сестрами, разсыпающими тебѣ дѣтскія ласки. И сама неодоуше-

¹⁾ Предлагаемъ вниманію нашихъ читателей отрывки изъ дневника инока, высокообразованнаго человѣка, покинувшаго міръ и удалившагося на святую гору Аѳонскую. Мы не называемъ имени еще здравствующаго автора, хотя оно хорошо извѣстно благочестивымъ жителямъ Вологды. Эти отрывки тѣмъ и дороги, что представляютъ собою воздыханія души, ищущей Господа. Это—плоды опыта духовнаго, а такое слово, по ученію св. Отцевъ, есть живая вода, утоляющая жажду души, тогда какъ наше слабое слово есть вода—писанная на стѣнѣ...

вленная природа тогда, кажется, сорадуется тебѣ. Сердце таетъ какъ воскъ, и не находишь словъ для выраженія чувствъ къ Тому, Кто виновникъ бытія. Хотѣлось бы весь міръ обнять и съ нимъ погрузиться въ лоно Вѣчнаго и Всеблагаго Бога,—и станеть отчасти ясно и въ высшей степени угѣшительно слово: „и будетъ Богъ всяческая во всѣхъ“.

2 *Февраля*. Съ 25 Января прожилъ разнообразныя и глубокія чувства. Сначала было самое радостное настроеніе: тихое, спокойное чувство доходило подъ вліяніемъ ясныхъ дней до восторга. Кажется это потому, что въ эти дни мнѣ удавалось сдѣлать небольшія милостыни нищимъ, попадавшимъ во время прогулки. Небольшого стоитъ копейка, поданная нищему, но сколько она можетъ пролить успокоенія въ душу благодетеля! Но неизвѣстно и самому, почему-то радость смѣнилась неопредѣленно-тягостнымъ чувствомъ; какая-то неудовлетворенность, ко всему холодное равнодушіе и даже отвращеніе,—въ такомъ настроеніи одного желаешь „забыться и заснуть“, какъ говоритъ поэтъ (Лермонтовъ). Искусство также дѣйствуетъ успокоительно,—по-занимался я немного рисованьемъ и попилъ на скрипкѣ, и грусть чрезъ это какъ будто прошла.

3 *Февраля*. Во все продолженіе обѣдни я испытывалъ грустное настроеніе. Происходило это отъ тяжелаго сознанія той непристойности, съ какою мы присутствуемъ при Богослуженіи: крайняя поспѣшность..., скрадываніе словъ, пѣснопѣній... Въ Символѣ Вѣры слышно бываетъ только какое-то шипѣніе и гудѣніе... Разсѣянность и неуваженіе къ святому мѣсту и дѣлу, разговоры и даже вспышка смѣха при всякой ошибкѣ не прекращаются, и какъ будто болѣе усиливаются въ такія важныя минуты, какъ совершеніе страшнаго таинства Евхаристіи. Событительно это для посторонняго, и страшно самому становится, когда подумаешь объ этомъ и вспомнишь слово Божіе: „прокляты всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ“.

Февраля 6-го. Чего я хочу? Самъ того не знаю. Пока дѣла идутъ еще въ порядкѣ, чувствуешь себя спокойно; но лишь только нарушено нормальное теченіе моей жизни: проведешь ли время безъ дѣла почему-либо, напрасно потрудишься надъ чѣмъ-либо, встрѣтитъ ли тебя нищій, а ты отъ него отвернешься, разсѣянно ли помолишься,—всѣ эти ненормальности поселяютъ въ моей душѣ неудовлетворенность обыкновенной жизнью, жажду чего-то,—жажду болѣе совершенной жизни. Но чѣмъ удовлетворить эту жажду? Съ чего начать? Выпадаетъ время,—нападешь на счастливую дорогу, но вскорѣ опять сбиваешься съ пути...

(Окончаніе елѣдуетъ).

ТАНЦЫ И ПЛЯСКИ.

До случая дня своего рожденія царь Иродъ устроилъ ширъ, на которой созвалъ вельможъ и именитыхъ людей. Во время пира въ комнату вошла дочь Иродіады и стала плясать. Разгоряченный виномъ и сладострастіемъ, возбужденнымъ пляской, Иродъ съ клятвою обѣщался дать плясавицѣ то, чего бы она ни попросила, даже полцарства. Обѣщаніе—неразумное, потому что самъ Иродъ получилъ царство отъ римскаго императора. Дѣвица отправилась за совѣтомъ къ матери и, по слову ея, попросила главы Іоанна Крестителя. Страсть затуманила умъ Ирода. Самолюбивый и сластолюбивый, онъ хотя и со скорбію, сдѣлалъ распоряженіе убить Предтечу. И вотъ на блюдѣ приносится окровавленная глава Іоанна, безиѣнная глава проповѣдника покаянія, величайшаго пророка Господня. Совершилось страшное злодѣяніе... Если бы пляска была дѣломъ безразличнымъ и не заключала въ себѣ ничего грѣховнаго, то не имѣла бы такихъ ужасныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ въ настоящее время танцы пріобрѣли особенно широкое распространеніе. Для нихъ устраиваются роскошныя помѣщенія, безъ нихъ не обходится ни одно выдающееся въ семейной жизни событіе. Не только въ городахъ, но и среди сельскаго населенія, среди крестьянства пляски стали обычнымъ явленіемъ и даже въ грѣхъ не вмѣняются.

Горе, когда человѣкъ сознаетъ, что онъ нарушаетъ законъ Божій, а все же грѣшитъ. Но еще большее горе, когда люди потеряли различеніе добра и зла, когда не считаютъ грѣхомъ того, что противно волѣ Божіей. Это низко падшія существа. Поэтому нельзя иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія относиться къ тѣмъ людямъ, которые безразличнымъ дѣломъ считаютъ пляску, особенно къ тѣмъ, которые смотрятъ на нее, какъ на что-то совершенно естественное и необходимое, и недоумѣваютъ надъ родителями, необучающими дѣтей своихъ танцамъ. Но хрістіанская совѣсть не мирится съ установившимся теперь взглядомъ на танцы.

Скажутъ: вы хотите, чтобы всѣ люди сдѣлались суровыми подвижниками, жили, какъ древніе аскеты; хрістіанство является слишкомъ мрачнымъ, сторонится наслажденій и радостей. А безъ нихъ что за жизнь?

Нѣтъ! Не мрачно и не сурово истинное хрістіанство смотреть на жизнь. Имъ не осуждается невинное человѣческое веселіе. Хрістосъ и Его Пречистая Матерь не нашли для себя недостойнымъ присутствовать во время свадебнаго пира у простыхъ жителей Каны, участвуя въ ихъ радости.

Въ притчѣ Господа о блудномъ сынѣ мы читаемъ, что отецъ

по случаю возвращенія сына своего устроилъ пирь, на которомъ было „пѣніе и ликованіе“, слышанное съ улицы. Даже такой строгій подвижникъ, какъ Антоній Великій, позволялъ братіи невинныя удовольствія. Онъ говорилъ, что если слишкомъ натянуть лукъ, то онъ можетъ лопнуть; такъ и въ дѣлѣ Божіемъ,—если сверхъ мѣры напрячь силы братіи, то онѣ разстроятся. Христіанство позволяетъ тѣ игры и развлеченія, которыя не нарушаютъ чистоты мыслей, чувствъ и словъ, не оскверняютъ слуха и очей. А развѣ не къ послѣднимъ относятся столь обычныя нынѣ пляски? Вотъ, что говорятъ о нихъ просвѣщенные Духомъ Святымъ и умудренные опытомъ жизни св. отцы. Св. Іоаннъ Златоустъ, объясняя слова св. Евангелія: „*пляса дщи Иродіады посредѣ*“, замѣчаетъ: „забава, достойная такого пиршества! Ибо гдѣ нѣга и роскошь, гдѣ пьянство и всякія забавы, тамъ нѣтъ ничего твердаго, но все шатко и непостоянно, все обличаетъ безуміе Ирода. Слушайте это вы, которые любите смотрѣть на пляшущихъ и тѣмъ растлѣваете свои сердца, слушайте, какой плодъ принесло искусное плясаніе“... Не менѣе строго относится къ танцевальному искусству св. Амвросій Медиоланскій, бывшій римскій аристократъ; онъ называлъ танцы „подводнымъ камнемъ невинности и могилой для нравственности“. А св. Ефремъ Сиринъ считалъ танцы „праздникомъ діаволу“. Не думайте, что такіе суровые отзывы о пляскахъ принадлежатъ только наиболѣе ревностнымъ учителямъ Церкви и ни для кого необязательны. Нѣтъ, таковъ и голосъ вселенской Церкви, которая на соборахъ устами св. отцовъ утвердила такія, напр., правила: 62 прав. шестого вселенскаго собора запрещаетъ всенародныя женскія пляски, великій вредъ и пагубу наносити могущія“, и повелѣваетъ допускающихъ плясанія клириковъ „извергать изъ священнаго сана“, а мірянъ „отлучать отъ церковнаго общенія“, 53-е прав. собора Лаодикійскаго учить: „не подобаетъ христіанамъ, на браки холящимъ, скакати или плясати, но скромно вечеряти и обѣдати“.

Скажутъ: то было время, теперь другое...

Что худо, безнравственно, то всегда было и будетъ худо; что хорошо, то всегда хорошо. Или нынѣшніе танцы стали лучше, приличнѣе прежнихъ? Они нашли своего правдиваго судью въ мудромъ митрополитѣ Москов. Филаретѣ, который говорилъ: „трудно было бы кончить, если бы рѣшиться исчислять, какъ много набожнаго, добраго, невиннаго, скромнаго изъ преданій и обычаевъ отеческихъ пренебрежено и утрачено, и какъ много многіе приняли чуждыхъ, очевидно неполезныхъ, и непремѣнно клонящихся ко вреду новостей. Указать ли на раболѣпство чуждому непостоянству и нескромности въ одеждѣ? Указать ли на страсть къ искусству Иродіады, сдѣлавшемуся для многихъ почти закономъ? Указать ли на неизвѣстное природѣ лакомство

прахомъ и дымомъ хутороднаго зелья? Можетъ быть меня обвиняютъ, что обращаю вниманіе на мелочи... Кажущееся мало-важнымъ имѣетъ иногда немаловажное значеніе. Если бы вы услышали обличеніе: „*вознесомася дщери Сіони, и ходиша выею высокою, и помизаніемъ очесъ и ступаніемъ ногъ, купно ризы влекущія, и ногами купно играющія*“, не показалось ли бы вамъ, что взыскательно преслѣдуется маловажное? Но пророкъ сквозь сіи легкія черты суеты конечно усматриваетъ глубокое поврежденіе нравовъ и потому къ обличенію присоединяетъ угрозу: „*смиритъ Господь дщери Сіони*“ (Ис. 3, 16—17). Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ больше входятъ въ моду такіе танцы, въ невинности которыхъ усумнились защитники ихъ. Танцы не только предосудительное развлеченіе, но и раздраженіе чувственности, замаскированный развратъ.

Таково общее мнѣніе безпристрастныхъ ученыхъ и писателей, не потерявшихъ Бога и совѣсти. Въ своихъ сочиненіяхъ они представляютъ жизненное, правдивое описаніе развращенія малолѣтнихъ подъ вліяніемъ танцевальныхъ вечеровъ, развитія въ нихъ страсти къ нарядамъ, привычки къ лжи и лицемѣрію,—описаніе случаевъ паденій, ужасныхъ паденій малолѣтнихъ дѣтей. Не лучше дѣйствуетъ пляска и на взрослыхъ. Она вызываетъ въ нихъ нечистыя мысли и чувства, приводитъ къ потерѣ цѣломудрія, семейному разладу. Вотъ какіе плоды увлеченія Иродіадинымъ искусствомъ!

Хрістіанинъ! Ты призванъ къ святости; соблюдай же въ чистотѣ твою душу и тѣло, устраняй все, что препятствуетъ тебѣ по пути ко Хрісту, всѣми мѣрами избѣгай тѣхъ привычекъ и развлеченій, которыя приводятъ въ смятеніе чувство, питаютъ плотскую страсть, пятнаютъ душу грѣхомъ. Храни ты и дѣтей своихъ въ чистотѣ, прилагай стараніе, дабы не коснулся ихъ невинной души тлетворный духъ порока. Дѣти даны тебѣ Богомъ. Помни всегда, что тебѣ придется за нихъ дать отвѣтъ предъ Всевѣдующимъ Судьею.

Н. С—въ.

СНІЯ БОЖІА И НЕЖНОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XVII.

Быль жаркій, ясный лѣтній день, когда я, отмахавъ семьдесятъ верстъ отъ Калуги до Козельска, подходилъ къ Оптиной.

Солнце уже склонялось къ закатау, жара спадала... Я сильно усталъ—и то сказать: семьдесятъ верстъ пройти за одинъ день—не шутка, впору и большому пѣшеходу постарше. Не дойдя до перевоза черезъ рѣку Жиздру, быстро несущую свои воды подъ самой Оптиной, я свернулъ около небольшого озера налѣво въ лѣсокъ. Мнѣ захотѣлось ѣсть. Я снялъ съ плечъ свой кожаный мѣшокъ, вынулъ оттуда хлѣбъ, яичекъ, соль... и въ эту минуту вдругъ вспомнилъ о матери, о родительскомъ домѣ, о скорби, которую я причинилъ своимъ побѣгомъ матери, представилъ себѣ ея горе, ея безутѣшныя слезы... и стало мнѣ до боли жалко мать свою родную. Паль я на колѣни и горько, горько заплакалъ. Жарко я молился тутъ Богу и Пречистой, моля Ихъ избавить мою родимую отъ ея сердечной муки, внушить ей и всѣмъ близкимъ моимъ надежду на мое благополучное возвращеніе... Послѣ молитвы я немножко успокоился и сѣлъ закусывать, а, закусивши, опять заскорбѣлъ: куда я пришелъ?—Нѣтъ у меня здѣсь никого не только близкихъ, но даже и знакомыхъ... Говорилъ мнѣ, правда, о. Герасимъ, что въ скиту есть два инока—отецъ съ сыномъ изъ Саратова—Никита и сынъ его Родіонъ, но, вѣдь, они, съ горечью думалось мнѣ, люди мнѣ совсѣмъ незнакомые... Что-то ждетъ меня въ этомъ чуждомъ для меня мѣстѣ?... А между тѣмъ солнце уже закатывалось: надо было рѣшаться, и я, со скорбью въ сердцѣ, пошелъ къ парому. Паромъ стоялъ подъ другимъ берегомъ на Оптинской сторонѣ. У парома суетился перевозчикъ—старичекъ лѣтъ бо-ти...

— „Дѣдушка!“ — сталъ кричать я ему: „перевези меня на тотъ бокъ!“

И онъ мнѣ отвѣтилъ протяжно, по стариковски:

— „Сей-часъ, род-ноой!“ — и подтянулъ паромъ къ моему берегу. Тихонько передвигалъ онъ старческими своими руками канатъ и, когда паромъ уже со мною вмѣстѣ былъ на серединѣ рѣки, вдругъ зазвонили въ Оптиной во всѣ колокола. Шла все-нощная, и это уже былъ второй звонъ. Мой старичекъ — перевозчикъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, поглядѣвъ на меня пристально, сказалъ:

— „Вотъ еще какого перевозу: въ первый разъ и со звономъ!... Да, ты, мальчикъ, откуда?“

— „Изъ Саратовской губерніи!“ — отвѣтилъ ему я.

— „Изъ Саратовской? Эва, откуда! Издалека-жъ ты пришелъ. Что-жъ, есть у тебя тутъ родные что-ль?“

— „Нѣту, дѣдушка, нѣтъ никого.“

— „Да, къ кому жъ ты идешь?“

— „Да, старецъ, тутъ у васъ есть какой-то отецъ Макарій!“

— „Есть, братъ, есть: онъ въ скиту живетъ—въ скитъ ступай—тамъ его и найдешь“.

Переѣхавъ я черезъ Жиздру и прямо пошелъ въ церковь, гдѣ шла служба. Это былъ храмъ, какъ я потомъ узналъ, во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Въ церковь нельзя было пробраться—такъ было много народу, и я сталъ у двери направо.... Ноги мои отъ усталости и отъ дорожной пыли, забившейся въ обувь горѣли, какъ въ огнѣ. Простоялъ я съ полчаса, и больше не могъ ужъ терпѣть и, выйдя изъ храма, сѣлъ на ступеньки паперти, разулся и сталъ изъ портянокъ выколачивать пыль.... Ко мнѣ подошелъ престарѣлый съ сѣдой бородой инокъ и спросилъ меня:

— „Ты это, братъ, откуда?“

Я отвѣтилъ. Онъ не удовлетворился моимъ отвѣтомъ и продолжалъ:

— „Эва, откуда! Далеко!... А нынѣ то откуда пришелъ?“

— „Изъ Калуги“.

— „Что-жъ, родственники у тебя, что-ль, здѣсь есть“.

— „Нѣтъ, батюшка, ровно никого — ни родственниковъ, ни знакомыхъ“...

И съ этими словами я заплакалъ... Старичекъ — монахъ съ любовью и необыкновенно теплымъ участіемъ опять обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— „Что, аль къ намъ въ обитель послужить пришелъ?“

— „Да, батюшка“, отвѣтилъ я: „желаю быть монахомъ... Гдѣ, скажите мнѣ, найти мнѣ тутъ старца о. Макарія — я про него слышалъ въ Сергіевой Лаврѣ?“

— „О, любезный мой! такъ иди жъ къ нему скорѣе, а то кабы въ скиту не заперли ворота“.

И добрый старецъ проводилъ меня до самаго скита и, прощаясь со мной у калитки, ласково, ласково сказалъ мнѣ:

— „Ну, теперь иди съ Богомъ! Мнѣ, вѣдь, всѣ странники родные: я самъ, братъ, по твоему много прошелъ... Ну, иди, иди съ Богомъ. Миръ тебѣ!“

XIX.

Въ тѣ времена, когда со мной совершились эти событія моей жизни, скитскій лѣсъ былъ куда гуще и величественнѣе, чѣмъ теперь и въ вѣчномъ полусумракѣ его святой тайны Божьяго дѣвственнаго созданія, догорающій день быстро смѣнялся мракомъ ночи, и ночная тѣнь ложилась плотнѣе и гуще, чѣмъ на просторѣ обширнаго Оптинскаго монастырскаго двора. Красота былъ въ то время скитскій лѣсъ, когда въ благоговѣйномъ трепетѣ подходилъ я со своимъ путеводителемъ къ св. воротамъ, скрывавшимъ за собой, казалось мнѣ, истинныхъ небожителей, временно и только для назиданія людямъ сошедшихъ съ гор-

няго неба на грѣшную землю.... Вспомнилъ я по дорогѣ, что о. Герасимъ, прощаясь со мной въ Сергіевой Лаврѣ, сказалъ мнѣ:

— „А, ты постарайся найти, какъ придется въ Оптину, въ скиту двухъ рясофорныхъ монаховъ, отца съ сыномъ—они ваши Саратовскіе. Зовутъ отца Никитой, а сына Родіономъ: они, навѣрно, къ тебѣ будутъ ближе другихъ“.

И, вотъ, идя дорожкой по лѣсу въ скитъ, я и думалъ: ахъ, если бы мнѣ найти своихъ земляковъ—все бы было лучше....

Когда ушелъ мой старецъ путеvodитель, я, еще не входя въ святые ворота, бросился на колѣни передъ изображениями Св. Отцовъ на стѣнахъ св. входа и слезно имъ помолился, чтобы они меня приняли въ скитскую братію, и затѣмъ трепетно переступилъ порогъ скита, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ... Меня сразу обдалъ густой, чудный запахъ резеды и всей роскоши скитскихъ цвѣтовъ благовонной вечерней зари догорѣвшаго знойнаго лѣтняго дня.... Прямо передо мною, пересѣкая мнѣ дорогу, смотрю, идутъ два инока.... Въ скитскомъ храмѣ зазвонили во всѣ колокола.... Я поклонился инокамъ въ землю...

— „Откуда, братъ“?

Я назвалъ свою родину. Иноки переглянулись между собой...

— „Не знаете ли“, спросилъ я: „гдѣ мнѣ здѣсь найти двухъ монаховъ, отца съ сыномъ изъ Саратовской губерніи, по фамиліи, кажется, Пономаревыхъ?“

— „А, что жъ они родственники тебѣ, что-ли?“

— „Нѣтъ“, говорю: „не родственники, а, какъ у меня здѣсь никого нѣтъ, то я и ищу хоть земляковъ“.

— „Ну, и слава. Богу говори: твои земляки съ тобой-то и разговариваютъ—я отецъ, а это—мой сынъ“...

При этомъ они мнѣ дали братское цѣлованіе. Это были Никита и Родіонъ Пономаревы, въ монашествѣ Нифонтъ и Илларионъ. Сильно обрадовался я этой встрѣчѣ, въ которой не могъ, конечно, не усмотрѣть промыслительнаго о мнѣ грѣшномъ Божьяго смотрѣнія. Скитъ мнѣ сразу сдѣлался роднымъ.

— „А гдѣ бы мнѣ увидать старца Макарія?—спросилъ я земляковъ. Отецъ Родіонъ, сынъ старика о. Никиты, сказалъ мнѣ:

— „Пойдемъ за мной въ церковь—онъ тамъ, и я тебя подведу къ нему подъ благословеніе“.

Батюшку Макарія мы, дѣйствительно, застали на молитвѣ въ церкви. Шло бдѣніе. Доложили ему обо мнѣ:

— „Какой-то странникъ, батюшка, васъ спрашиваетъ. Желаетъ васъ видѣть и сказывается, что нашъ землякъ“, доложилъ старцу о. Родіонъ.

Надо сказать, что Пономаревымъ я при встрѣчѣ не успѣлъ ничего другаго объяснить, кромѣ того, что я ихній землякъ: ни

имени моего, ни фамилии они не знали, да и во всей Оптиной меня никто знать не могъ.

— „Гдѣ онъ?“—спросилъ старецъ.

— „Стоить у церкви“.

— „Приведите его сюда ко мнѣ“....

И меня ввели въ церковь и подвели къ старцу. Я упалъ ему въ ноги съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ и, когда всталъ, старецъ, благословляя меня, сказалъ:

— „Э, да это, знать, Ѳедоръ!“....

Дивное прозрѣніе....

— „Откуда ты сегодня пришелъ?“

— Прямо изъ Калуги, отвѣтилъ я внѣ себя отъ изумленной радости, представъ передъ дивнымъ старцемъ.

— „Такъ, веди-жъ его скорѣй въ трапезу“, сказалъ батюшка о. Родіону: „да скажи повару, чтобы онъ хорошенько, чѣмъ Богъ послалъ, его накормилъ.... Да, ты ужъ, обратился ко мнѣ старецъ: „послѣ ужина-то не ходи ко бдѣнію, а ложись спать, а то ты усталъ, голодный!“

И, правду сказать, и голодень я былъ, да и было мнѣ съ чего устать, пройдя за день болѣе 60 верстъ.

Въ трапезѣ меня накормили досыта. Смотрю, о. Родіонъ тащить мнѣ подушку...

— „Это мнѣ къ чему-жъ?—я еще хочу пойти ко бдѣнію“, сказалъ я о. Родіону.

— „Старецъ не благословилъ, а велѣлъ спать ложиться“—возразилъ мнѣ о. Родіонъ.

Пришлось умѣрить свое усердіе. Ложась спать, я попросилъ о. Родіона, побудить меня къ обѣднѣ и... заснулъ сномъ крѣпчайшимъ. Это была первая моя ночь въ Оптиномъ скиту. Ни сновъ, ни видѣній: какъ легъ такъ и заснулъ безпробудно до слѣдующаго утра.

XX.

Высоко стояло солнышко на небѣ, когда поутру тотъ же инокъ пришелъ въ трапезную и разбудилъ меня. Былъ уже 8-й часъ утра.

— „Ну, землякъ“, сказалъ онъ мнѣ: „батюшка о. Макарій прислалъ за тобой, чтобы шелъ къ нему въ келью чай пить“.

— А какъ же обѣдня-то?

— „Обѣдня? Обѣдня-то ужъ отошла, и батюшка за тобой послалъ, придя отъ обѣдни. Я у батюшки келейникомъ, и будить тебя къ обѣднѣ онъ меня не благословилъ. Не скорби о томъ, что проспалъ обѣдню—это такъ старцу было угодно, и послушаніе паче поста и молитвы. Вотъ завтра, живы будемъ и

Господу будетъ угодно, разбудятъ тебя въ два часа, тогда вставай, только не лѣнись!

При этихъ словахъ мы подошли къ кельѣ старца, о. Родіонъ мнѣ сказалъ:

— „А какъ взойдешь къ старцу, будь посмѣлѣй и говори ему все откровенно, какъ отцу, да взойдя помолись и потомъ поклонись старцу до земли—такое у насъ чиноположеніе“.

А я не только готовъ былъ кланяться, но и ноги цѣловать старцу и землю, на которой слѣды стопъ были старца...

Когда мы взошли въ прихожую старцевой кельи, батюшка о. Макарій сидѣлъ въ ней въ бѣломъ холщевомъ худомъ балахончикѣ съ четками въ рукахъ. Встрѣтилъ меня старецъ весьма ласково. Я поклонился ему земнымъ поклономъ, и онъ, благословивъ меня, съ ангельской улыбкой сказалъ мнѣ:

— „Что, братъ Ѳеодоръ, проспалъ? выспался?“

— Простите, батюшка, проспалъ.

— „Что жъ, пріятный сонъ былъ для тебя?“

— Да, я и не просыпался—крѣпко спалъ.

— „А поблагодарилъ Господа за пріятный и здравый сонъ?“

— Нѣтъ, батюшка!

— „Ну, такъ иди жъ вотъ съ келейнымъ отцомъ Родіономъ и пейте тамъ вмѣстѣ съ о. Амвросіемъ чай, и тогда въ кельѣ положи пятьдесятъ земныхъ поклоновъ и поблагодари благого Господа за дарованный сонъ. Знаешь ли, кому даетъ Господь пріятный сонъ?“

— Не знаю, батюшка.

— „Онъ даетъ сонъ любящимъ Его: „аще поспиши, сладостно поспиши“...“

Въ это время взошелъ второй келейникъ старца, какъ я потомъ узналъ, іеродіаконъ о. Амвросій.

— „Возьми-ка вотъ брата-то, отца Ѳеодора къ себѣ, въ келью и пусть онъ у васъ и живетъ съ отцомъ Родіономъ. Пойте его чаемъ и берите съ собой въ трапезную до тѣхъ поръ, пока я его позову къ себѣ“...

Въ этотъ разъ мы чай пили всѣ вмѣстѣ: старецъ, о. Родіонъ, о. Амвросій и я у старца въ кельѣ. За чаемъ батюшка меня подробно и ласково разспросилъ о родителяхъ, о роднѣ, о моемъ желаніи поступить въ монастырь...

— „Такъ ты хочешь быть монахомъ?“ — спросилъ меня старецъ.

— Хочу, батюшка.

— „Молись прилежнѣ Богу, будешь и монахомъ“.

Послѣ чая мы съ келейникомъ вышли отъ старца всѣ вмѣстѣ въ келью о. Амвросія, гдѣ о. Родіонъ сообщилъ мнѣ о себѣ, что онъ съ отцомъ своимъ родомъ изъ Саратова и въ нашемъ

городъ хорошо знакомъ съ нашимъ городскимъ головой, Филиппомъ Александровичемъ Туркинымъ. Много мы тутъ побесѣдовали съ нимъ о родинѣ.

О. Родіонъ вскорѣ ушелъ, а о. Амвросія позвали къ старцу. Уходя, о. Амвросій далъ мнѣ книжку Исаака Сирскаго и я прочелъ въ ней „о молитвѣ“, а затѣмъ занялся осмотромъ внѣшней обстановки кельи. Незатѣйлива была она: жесткая деревянная кровать; подъ кроватью большое лукошко съ соломой; на кровати узенькій полстничекъ и подушка съ холщевой наволочкой. Въ переднемъ углу небольшой образъ, и передъ нимъ горѣла лампада; стулъ, столикъ и рукомоіникъ съ тазомъ—вотъ и вся келейная мебель, что была въ то время у о. Амвросія... Лишнимъ казалось мнѣ только лукошко съ соломой... Когда вернулся въ келію о. Амвросій, я его спросилъ:

— На что вамъ, батюшка, лукошко это?

— „Да вотъ, хочу гусенятъ выводить“, отвѣтилъ мнѣ смѣясь батюшка...

Такъ и не узналъ я, на что ему было лукошко. Шутникъ быть батюшка и шутникъ пріятный—съ нимъ весело жилось, но въ шуткахъ его всегда заключалось что-либо назидательное и полезное для жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУТИ БОЖІИ НЕИСПОВѢДИМЫ.

(Разговоръ священника со старушкой-прихожанкой).

Въ Январѣ 1906 года разъ пришелъ ко мнѣ одинъ изъ прихожанъ нашей церкви, изъ деревни С—и, и просилъ меня по пути въ школу заѣхать въ ихъ деревню навѣстить вдову Параскеву. „Великое горе постигло старушку, такъ что она сдѣлалась безъ ума“, сообщилъ мнѣ сосѣдъ ея. А горе этой старушки дѣйствительно было велико. Только что въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1905 года вернулся сынъ ея Иванъ съ Русско-Японской войны; онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ японцами и Богъ хранилъ его; къ утѣшенію матери, онъ вернулся домой здоровымъ и вдругъ его не стало. Рано утромъ 12 Января пошелъ онъ на водяную мельницу и сталъ очищать отъ льда водяное колесо. Очистивъ отъ льда одну половину колеса, онъ хотѣлъ перейти очищать другую половину, какъ вдругъ колесо, вслѣдствіе тяжести другой половины, повернулось противъ течения и придавило его голову къ стѣнкѣ запруды. Моментальная смерть постигла несчастнаго: скулы его были раздавлены и онъ, при-

жатый къ стѣнкѣ, остался въ стоячемъ положеніи съ пѣшною въ рукѣ. Только черезъ часъ родные, обезпокоенные его продолжительною отлучкою, узнали о его смерти. Такая смерть сына столь поразила старушку-мать, что опасались за ея разсудокъ.

Пріѣхавъ въ деревню С., въ домъ старушки Параскевы, я нашелъ ее сидящею на печкѣ около тѣла сына Ивана, которое отогрѣвалось для осмотра полиціей. Попросивъ старушку сойти съ печи, я сталъ утѣшать ее въ постигшемъ горѣ.

— „Да вотъ, батюшка, горько мнѣ больно (очень), потому что говорятъ, будто Ванюшу нечистый сунуль подъ колесо“.

— Кто же говоритъ, бабушка, вѣдь никто не видалъ на мельницѣ Ивана?

— „Да, сосѣди приходили и говорили, что никто другой, какъ нечистый, сунуль его. Говорятъ, не будетъ ему добра и на томъ свѣтѣ“.

— Не слушай, бабушка Парасковья, глупыхъ людей. Своя неосторожность—причина смерти Ивана, а нечистый, духъ лукавый, не можетъ вредить человѣку, хрістіанину, если нѣтъ на то поущенія Божія. Конечно, смерть Ивана совершилась не безъ воли Божіей, но никому невѣдомо, почему такая смерть постигла твоего сына дома, когда Богъ хранилъ его на войнѣ. Пути Божіи неисповѣдимы, и намъ трудно слабымъ умомъ своимъ постигнуть Божіе опредѣленіе о человѣкѣ; да не нужно и испытывать, не нужно и усиливаться постигнуть, такъ какъ все равно мы не поймемъ. Послушай, я расскажу тебѣ примѣръ изъ Пролога. Одинъ отшельникъ—инокъ просилъ Бога, чтобы Онъ далъ ему понять пути Своего промысла, и наложилъ на себя постъ. Однако Богъ не открылъ ему того, что ему хотѣлось знать. Инокъ все-таки не переставалъ молиться, и наконецъ Господь вразумилъ его. Когда онъ отправился къ одному, вдалекѣ отъ него жившему старцу, ему явился въ образѣ монаха Ангелъ и предложилъ идти съ нимъ. Отшельникъ очень радъ былъ спутнику, и пошли оба вмѣстѣ. Когда день склонился къ вечеру, они остановились на ночлегъ у одного благочестиваго мужа, и тотъ принялъ ихъ съ такимъ почетомъ, что даже пищу предложилъ на серебряномъ блюдѣ. Но вотъ удивленіе! Тотчасъ, послѣ трапезы Ангелъ взялъ блюдо и бросилъ его въ море. Старецъ недоумѣвалъ, однако ничего не сказалъ. Пошли далѣе и на другой день остановились у другого тоже благочестиваго мужа; этотъ также принялъ ихъ съ радостію: и ноги умылъ, и всякое вниманіе оказалъ. Но опять бѣда! Когда отшельникъ съ спутникомъ стали собираться въ путь, принявшій ихъ мужъ привелъ къ нимъ малолѣтняго сына своего, чтобы они благословили его. Но вмѣсто благословенія Ангелъ, коснувшись отрока взялъ душу его (взялъ за шею и задушилъ его). Ни старецъ

отъ ужаса, ни отецъ отрока отъ отчаянія не могли произнести ни слова; старецъ выбѣжалъ вонъ, а спутникъ не отставая продолжалъ за нимъ. На третій день пути имъ не гдѣ было остановиться, кромѣ одного полуразрушеннаго и всѣми оставленнаго дома, въ которомъ они и пріютились. Старецъ сѣлъ вкушать пищи, а спутникъ, къ изумленію его, сталъ разрушать домъ и, разрушивъ, началъ опять строить его. Тогда старецъ не вытерпѣлъ: „да что ты дѣлаешь, или ангелъ? Что ты дѣлаешь? „съ гнѣвомъ сказалъ онъ спутнику. „А что же я дѣлаю?..“ возразилъ тотъ. „Какъ что?“ продолжалъ старецъ,—„третьяго дня у добраго человѣка блюдо отнялъ и бросилъ въ море, вчера отрока лишилъ жизни, а сегодня для чего ты разрушилъ и снова началъ строить домъ сей?“ Тогда Ангелъ сказалъ ему: „не дивись, старче, сему и не соблазняйся о мнѣ, но выслушай, что я скажу тебѣ. Первый принявшій насъ мужъ, дѣйствительно, во всемъ богоугодно поступаетъ, но блюдо, брошенное мною, приобрѣтено имъ неправдою; а потому я бросилъ его, чтобы онъ не погубилъ чрезъ него награды своей. Второй мужъ тоже угоденъ Богу, но если бы выросъ малолѣтній сынъ его, то былъ бы страшный злодѣй; поэтому я и взялъ душу его, за добро отца его, чтобы и онъ спасся“.—„Ну, а здѣсь-то что ты дѣлаешь?“ спросилъ старецъ. Ангелъ продолжалъ: „этого дома хозяинъ былъ человѣкъ безнравственный (нехорошій) и ради этого обнищалъ и скрылся. Дѣдъ же его, строивъ домъ этотъ, скрылъ въ стѣнѣ золото, и нѣкоторые знаютъ объ этомъ. Потому-то я и раззорилъ его, чтобы послѣ никто не искалъ здѣсь золота и чрезъ него не погибъ. Возвратись же, старче, въ келію свою,—закончилъ свою рѣчь Ангелъ,—и не мучайся безъ ума; ибо такъ глаголетъ Духъ Святой: судове Господни—глубина многа неиспытуета и невѣдома человѣкомъ; посему ты и не испытывай ихъ,—не будетъ тебѣ это на пользу“. Сказавъ это, Ангелъ сталъ невидимъ, а пораженный старецъ раскаялся въ своемъ заблужденіи и послѣ рассказывать всѣмъ происшедшее съ нимъ (Прологъ 21 Ноября).

Вотъ, видишь, бабушка Парасковья, въ жизни нашей много совершается загадочнаго, непонятнаго для насъ, но все Господь устрояетъ къ нашему благу. Не скорби же, что Господь послалъ такую смерть твоему сыну. Какая была бы жизнь его впереди, мы не знаемъ, а быть можетъ, Господь послалъ такую смерть Ивану и за какіе-либо грѣхи, чтобы, пострадавши здѣсь на землѣ, онъ явился на судъ Божій очищенный страданіемъ. Нужно только молиться, чтобы Господь простилъ ему грѣхи и даровалъ царство Свое вѣчное. Для тебя же и то утѣшеніе, что онъ умеръ дома, на родинѣ, и ты можешь придти помолиться на его могилкѣ. А что, если бы онъ былъ убитъ на войнѣ и неизвѣстно гдѣ былъ похороненъ? Не было бы для тебя и этого утѣшенія—

могилки его. Поплачь, слезы облегчатъ тебя, но не отчаявайся, положишься на волю Божію, которая все устрояетъ къ лучшему для насъ въ сей и будущей жизни.

— „Спасибо, батюшка, мнѣ стало легче отъ твоихъ словъ, буду молиться за него“.

Для ея успокоенія и въ виду слабости здоровья, я посовѣтовалъ еще Парасковѣ исповѣдаться и причаститься Св. Таинъ Христовыхъ, во время заупокойной Литургіи въ день погребенія сына ея Ивана, что она и исполнила.

Священникъ А. Т—въ.

1906 года
Декабря 22 дня.

НЕ МОГУ УМОЛЧАТЬ...

Одѣлахъ Божіихъ я не могу умолчать... Внутренній голосъ заставляетъ меня, нудить повѣдать о чудныхъ проявленіяхъ милости Царицы Небесной, дабы и другіе съ вѣрою прибѣгали подъ Ея теплый покровъ, и привыкшіе надѣяться только на человѣческія силы познали, что есть помощь небесная предъ которою человѣческое искусство и попеченіе является ничтожнымъ, что вѣрно слово Господа: „просите и дастся вамъ“.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1906 года у меня заболѣли глаза. Въ нихъ стоялъ какой-то туманъ. Родные и знакомые замѣчали ненормальность моихъ глазъ и не рѣдко высказывали, что они у меня тусклы и печальны.

Я съ великимъ благоговѣніемъ чту образъ Царицы Небесной „всѣхъ скорбящихъ радости“, находящейся въ Вологодскомъ кафедральномъ соборѣ, люблю молиться предъ нимъ, становясь всегда вблизи чудотворной иконы. Къ ней Заступницѣ рода христіанскаго обращалась я съ горячею молитвою о благодатной помощи и во время глазной болѣзни, которая помимо страданій тяготила меня тѣмъ, что я лишилась возможности работать для своей семьи. 15 ноября я рѣшила позвать доктора, но вдругъ въ ночь на 15-е ноября я вижу сонъ... Стою я въ кафедральномъ соборѣ на своемъ обычномъ мѣстѣ впереди храма, у второго окна направо. Народа нѣтъ. Предъ иконою Царицы Небесной служить молебенъ владыка Никонъ. Вотъ онъ освятилъ воду въ серебряномъ блюдѣ и пошелъ кропить ею храмъ. Я подошла къ блюду и стала мыть св. водою свое лицо и усердно протирать больные глаза. Вдругъ просыпаюсь и чувствую, что глаза мои вполне здоровы. Исполненная радости, я отъ всего сердца благодарила Матерь Божію за Ея великую милость ко мнѣ. На

утро семейные мои съ удивленіемъ говорили, что лицо мое сегодня совершенно свѣжее и глаза веселые...

Теперь я прекрасно вижу, такъ что даже могу свободно вдѣвать нитку въ тонкую иглу.

Когда у меня болѣли глаза, изъ Кириллов. уѣзда Новгород. губерніи, привезли ко мнѣ пятилѣтняго больного внучка. У него въ раннемъ дѣтствѣ былъ коклюшъ, потомъ—воспаленіе легкихъ, а тутъ приключилась тяжелая болѣзнь, которую докторъ называлъ „разливнымъ бронхитомъ“. Болѣзнь трудно поддавалась леченію. Какъ-то, съ жалостью глядя на внучка, я сказала: „ну, Коля, если ты поправишься, обязательно примемъ мы въ домъ икону Царицы Небесной изъ собора.

Мальчику стало легче. На воздухъ я его не отпускала, но въ комнатахъ онъ всегда былъ здоровымъ, веселымъ и бодрымъ. 26 ноября мнѣ пришлось провожать свою старшую дочь. Мальчикъ, когда выносили кладъ дочери, стоялъ въ прихожей и, наступившись, сильно заболѣлъ и слегъ. Тогда я вспомнила данное ранѣе обѣщаніе Царицѣ Небесной, забытое мною въ суетѣ житейской, и я рѣшилась немедленно исполнить его. На утро, захвативъ своихъ двухъ здоровыхъ внучекъ, на извозчикѣ отправилась я въ каѳедральный соборъ, причастила св. Таинъ дѣвочекъ и просила священника о. Михаила привезти въ нашъ домъ чудотворный образъ и св. Дары для причащенія моего больнаго внучка. Послѣ обѣдни батюшка явился къ намъ со св. иконою, причастилъ мальчика, отслужилъ молебень Божіей Матери, и чтоже? Ребенокъ поправился и теперь здоровъ. Царица Небесная исцѣлила его...

Ю. Агнцева.

Изъ редакціи Троицкихъ Листковъ можно получить:

ЗЕРНЫШКИ БОЖІЕЙ НИВЫ

Троицкое чтеніе для дѣтей.

Цѣна каждаго номера 5 коп. съ пересылкой 7 коп.

Къ 1-му Апрѣлю 1907 года вышло 52 номера

ВЫПИСЫВАЮЩЕ ВСѢ НОМЕРА ЗЕРНЫШЕКЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ. ЗЕРНЫШКИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ОТДѢЛЬНЫМИ ТОМИКАМИ, для праздничныхъ дѣтскихъ подарковъ по 12 кн. въ колѣнк. пер.

Цѣна каждаго тома въ переплетѣ 80 коп. съ пересылкой 1 руб.

Адресъ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редак. „Троицкихъ Листковъ“.

Цензоръ Протоіерей *Н. Якубовъ.*

Редакторъ Свящ. *Н. Коноплевъ.*

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.